
Ольга
Березовская
Любовь
под малиновым
соусом

Ольга Березовская

Любовь под малиновым соусом

https://litres.ru/74790843
SelfPub; 2026

Аннотация

У неё отобрали мечту и два миллиона семьсот тысяч рублей. А его веру женщинам предали и растоптали. Марина и Денис не ищут любви. Они просто хотят, чтобы их оставили в покое. Но у бабушек на этих двоих совершенно другие планы

Содержание

1	4
2	18
3	23
4	38
5	51
6	62
7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ольга Березовская
Любовь под малиновым соусом

1

Я обожаю три вещи: муку, тишину и предсказуемость.

Мука не врёт. Из муки всегда получается то, что я задумала. Правда, для этого нужно строго соблюдать пропорции, не жадничать с маслом и вовремя выключать духовку. В тишине можно подумать о своём, поразмышлять о будущем. А предсказуемость – моя фишка. У меня всегда есть план как минимум на год вперёд. В этот план входят тренировки в зале по понедельникам, средам и пятницам, свадьба через два месяца, первый взнос за ипотеку через полгода, дети через два года. Мальчик Фёдор и девочка Анна.

Судьба, как выясняется, не читает мои планы. Этой даме вообще чихать хотелось на чужие планы.

Моя квартира-студия на тридцать пять квадратов пахнет ванилью и переменами. Вот только запах последних я не ощущаю, потому что занята другим. Я стою у стола, склонившись над трёхъярусным тортом, который украшаю уже третий час. Заказ для клиентки Светланы: свадьба в подмос-

ковном коттеджном посёлке, сто двадцать гостей, бюджет не ограничен. Я старательно вывожу мелкие бутончики и цветы роз и пионов на верхнем ярусе. Каждый лепесток занимает своё место и выводится с ювелирной точностью.

Я люблю эту часть работы. Мир сужается до нескольких квадратных сантиметров кремового полотна и кондитерского мешка. И единственное, о чём я думаю: не пережать, не смазать границу. В такие моменты всё остальное перестаёт существовать.

Моя квартира-студия – моя крепость. Спальное место отгорожено ширмой, кухня совмещена с рабочей зоной, на подоконнике – герань. Цветок, подаренный бабушкой Любой пять лет назад, отлично себя чувствует и цветёт вопреки всем законам ботаники. Ведь условий для его роста и цветения нет никаких. Я снимаю эту студию давно. С тех пор как съехала от мамы. Нет, живу я не тут. С Серёжей мы живём в другой квартире, в «двушке» на юго-западе, которую снимаем пополам и где он вечно разбрасывает носки. А эта студия осталась исключительно для работы. И как запасной аэродром. На всякий случай.

«На всякий случай» – моя мама всегда считает это признаком тревожного расстройства. Бабушка Люба, наоборот, говорит, что это признак умной бабы. Мне больше нравится бабушкин вариант.

Я как раз заканчиваю последний пион, когда в дверь звонят.

– Открыто! – кричу я, не отрываясь от работы.

Обычно в это время приходит курьер с продуктами или соседка снизу за сахаром.

Шаги тяжёлые. Мужские. И слишком знакомые.

– Марин, привет.

Я поднимаю голову. Сергей стоит в дверях, загораживая проём. Мой жених. Высокий, поджарый, с идеальной стрижкой и нарочито лёгкой небрежностью в одежде. Сегодня на нём тёмно-синий пуловер и джинсы. В одной руке – моя дорожная сумка. В другой – пластиковая переноска для животных. Из неё доносится жалобное мяуканье Мармеладика.

Моё сердце пропускает удар.

– Серёж? – Я выпрямляюсь, стряхивая муку с фартука. – Ты чего? В командировку? У тебя же переговоры до обеда.

– Отменил, – угрюмо отвечает он.

Он не улыбается. Стоит, переминаясь с ноги на ногу, и смотрит куда-то мимо меня. На торт, на герань, на потолок, но не на меня.

– Что случилось? – Я чувствую, как в груди шевелится что-то нехорошее.

Я не могу найти этому объяснения. Всё было нормально. Утром он пил кофе, поцеловал меня в щёку и сказал: «Пока, зайчик, я после шести». Обычный четверг. Всё, как всегда.

Из переноски снова доносится мяуканье. Настойчивое, требовательное. Мармеладик, а попросту Ладик, наш бенгальский кот даёт о себе знать. Точнее, это мой кот. Я обо-

жаю его, а Сергей – просто терпит.

– Зачем ты принёс сюда Ладика? – спрашиваю я.

– Нам нужно поговорить, – говорит Сергей, переступая порог.

Нехорошее предчувствие разрастается. Я кладу кондитерский мешок на стол. Делаю глубокий вдох. Торт ждёт. Клиентка Светлана ждёт. Всё вроде бы идёт по плану. Пока что.

– Говори.

Сергей проходит в комнату, ставит сумку и переноску на пол. Отодвигает с края стола миску с кремом. Садится на табуретку и трёт переносицу. Этот жест я знаю: он делает так, когда собирается сказать что-то неприятное. «Марин, у меня на работе сокращение», «Марин, моя мама опять будет жить у нас неделю», «Марин, я разбил твою любимую кружку».

Но сейчас меня ждёт что-то другое. Похуже. Гораздо хуже.

– Я встретил другую, – говорит он.

Фраза звучит как гром среди ясного неба. А за громом наступает звенящая пустота. Я слышу, как на стене тикают часы со стрелками в виде ложки и вилки. Слышу, как урчит холодильник. Слышу, как за окном сигналит машина. И слышу, как Мармелад царапает стенки переноски.

– Что? – переспрашиваю я, и собственный голос кажется мне чужим.

– Я встретил другую, – повторяет Сергей. – Её зовут Лера. Она инструктор по пилатесу. Мы познакомились в фит-

нес-клубе, куда я хожу по четвергам.

Теперь он смотрит мне в глаза. В его взгляде – что-то похожее на решимость. И ни капли стыда.

По четвергам, значит. Он ходит в фитнес-клуб по четвергам уже два года. Я думала, он качает спину, потому что у него остеохондроз. Я варила ему курицу с рисом после тренировок. Я гладила его футболки и думала: «Какой Серёжа молодец, заботится о здоровье».

– Давно? – спрашиваю я.

– Полгода.

Полгода. Это даже забавно. Полгода я спала с ним в одной постели. Полгода мы обсуждали, кого из родственников позвать на свадьбу, а кого не стоит. Полгода я готовилась к свадьбе: выбирала платье, приглашала флориста, договаривалась с фотографом. А он спал с инструкторшей по пилатесу.

Ладик мяукает громче. Ему тесно, темно, страшно. Как и мне.

– Почему? – спрашиваю я и тут же понимаю, какой это глупый вопрос. Самый глупый из всех возможных. Но он вырывается сам собой.

Сергей вздыхает. Тяжело. Как будто это я виновата в том, что заставила его так дышать.

– Марин, мы три года вместе. И ты всегда… – он запинается, подбирая слова. – Ты очень удобная. Понятная. Домашняя. А Лера – она другая. Она лёгкая. С ней я чувствую

себя живым.

Удобная. Понятная. Домашняя. Я перебираю эти слова, как чётки. Удобная – как табуретка, которую не жалко сломать. Понятная – как инструкция к пылесосу. Домашняя – как халат, который носят, пока не купят новый.

Ладик в переноске уже не мяукает – он воет. Я хочу открыть её, выпустить его, обнять. Но не могу пошевелиться. Стою как вкопанная, смотрю на Сергея и не верю.

– А деньги? – вдруг спрашиваю я. – Наши сбережения? Мы же копили на квартиру.

Сергей морщится и снова трёт переносицу.

– Отдай, пожалуйста, ключи от нашей съёмной квартиры. Надо передать хозяйке. Я сегодня расторг договор. Твои вещи я собрал. Сумку принёс. И кота твоего захватил – он там всё равно один сидел.

– Деньги, Сергей, – говорю я сквозь зубы. – Наши сбережения.

– Денег больше нет, – роняет он. – Я переводил их небольшими суммами. На развитие фитнес-клуба Леры. Она хотела открыть свою студию. Я вложился как партнёр. Теперь мы вместе ведём бизнес.

Я смотрю на Сергея. Потом на переноску с Ладиком. Потом на миску с кремом. Потом снова на Сергея.

– Два миллиона семьсот тысяч рублей? – очень спокойно спрашиваю я. – Ты перевёл два миллиона семьсот тысяч рублей бабе, которую трахаешь по четвергам?

Сергей бледнеет. Не от суммы – от слов. Слова грубые. А Сергей не любит грубостей. Он любит, чтобы всё было эстетично, культурно, с улыбочками.

– Я не буду это обсуждать в таком тоне, – говорит он.

– А в каком тоне ты будешь это обсуждать? – Чувствую, как внутри закипает злость, смешанная с отчаянием– В тоне «извините, я украл у невесты три года жизни и почти три миллиона рублей, но у меня новая любовь, так что не судите строго»?

. Слёзы подступают к глазам, но я не позволю им вырваться. Не при нём. Сергей встаёт. Поправляет пуловер, будто это сейчас важно.

– Марин, вещи забери. Кота забери. И я правда сожалею, – он направляется к двери, потом останавливается, оборачивается. – Ты хорошая девушка. Ты найдёшь кого-то…

– Пошёл вон, – говорю я.

– …кто оценит твою…

– Пошёл вон, Сергей.

Он выходит. Хлопает дверь. Я стою посреди кухни, вся в муке и ванильном аромате, с недоделанным тортом за спиной. Мармелад воет в переноске.

Бросаюсь к нему, открываю замок. Кот вылетает пулей, трётся о мои ноги, орёт. Я опускаюсь на корточки, глажу его. Он злой, голодный, напуганный.

– Всё хорошо, – шепчу я. – Всё будет хорошо.

Он не верит. Я тоже не верю.

Беру телефон, открываю приложение банка. Ноль. В истории операций – одиннадцать переводов за последние полгода. Получатель: «Fitness&Beauty Lera». А я ведь даже уведомления отключила. Зачем? Мы же копим.

Четыре года. Мы были вместе четыре года. Я хранила ему верность, готовила его любимый борщ, терпела его маму, которая считала меня «недостаточно статусной». Я копила каждую копейку, отказывала себе в новом платье, новом телефоне, поездке на море – всё ради квартиры, ради нашего будущего, ради Фёдора и Анны. А он переводил мои деньги на пилатес.

Вот это плевок в душу. Оскорбление. Как будто вся моя жизнь, моя работа, моя вера в завтрашний день стоят меньше, чем растяжка в спортивном зале.

Первый всхлип вырывается неожиданно. Горький, сдавленный. Я зажимаю рот рукой, но слёзы уже текут. Они текут и текут, и я не могу их остановить. Ладик смотрит на меня с недоумением. Ему нужна еда. Ему нужна тишина. Ему нужна другая хозяйка – не та, которая сидит на полу в луже собственных слёз.

Потом мой взгляд падает на торт.

Трёхъярусный, красивый. Почти вылизан-выстрадан. Розочки, пионы, золотая посыпка. Свадебный торт для чужой счастливой жизни.

Не для моей.

Я встаю, подхожу к столу. Смотрю на верхний ярус. На

мои идеальные пионы, на которые ушёл час жизни. На розочки, которые я переделывала трижды. На золотую посыпку, которую выписывала из Москвы.

Я беру лопатку и одним движением смахиваю всё украшение верхнего яруса.

Крем слетает на стол. Розочки падают на скатерть. Пионы исчезают в одно мгновение. Торт стоит голый, нелепый, жалкий – как и я сама.

Мармеладик испуганно отпрыгивает, но поздно. Шёрстка моего любимого маленького леопарда уже в креме. Я смотрю на свои руки – на них варенье от розочек, крем, золотая посыпка.

Становится легче. Совсем чуть-чуть, но легче.

– Марина, ты дура, – говорю я себе вслух. – Работать надо, а не ныть.

Несу котофея в ванную и отмываю. Он терпит. Издаёт иногда угрожающие звуки, но терпит издевательства своей непутёвой хозяйки. Вытираю его и отпуская. Потом умываюсь сама. Смотрю на себя в зеркало.

На меня оттуда глядит девушка, которой я не узнаю. Заплаканные карие глаза смотрят устало и отречённо. Кожу вокруг покрасневших век не видно под слоем муки и пятен крема. А из-под растрёпанного пучка выбиваются русые пряди. Я тяжело вздыхаю и пытаюсь улыбнуться. Получается, честно говоря, плохо. Уголки тонких губ сами тянутся вниз.

– Держись, Марина, – говорю я своему отражению. – Кли-

ентка ждёт торт. Плакать потом будешь.

Отражение кивает в ответ. Или мне кажется.

Возвращаюсь на кухню. Беру швабру, собираю крем со стола, сметаю остатки розочек и пионов в мусорное ведро. Убираться легче, чем думать. И чем плакать.

А потом я смотрю на торт. Голый верхний ярус. Нижние два – в порядке. Их можно спасти. Клиентка Светлана ждёт торт к вечеру. У неё свадьба завтра.

Я не могу её подвести.

Она не виновата, что мой жених оказался козлом.

Выдыхаю. Достаю новую партию крема из холодильника. И начинаю заново.

Ладик наблюдает за мной с дивана. Ему всё равно. Ему главное, чтобы его покормили вовремя.

Работаю как автомат. Розочка за розочкой, пион за пионом. Каждый лепесток ложится на место с той же ювелирной точностью, что и до того момента, как Сергей переступил порог студии.

Звонок бабушки Любы застаёт меня в процессе. Я беру трубку, зажав между ухом и плечом, руки в креме.

– Малышка, привет! – раздаётся слишком бодрый голос.

Странно, но она всегда звонит в самое неподходящее время. Как сейчас.

– Бабушка, привет, – выдавливаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– А голос у тебя странный, – бабушка Люба не спрашива-

ет, она утверждает. – Ты что, плакала?

– Нет, я… – Я чихаю. Крем летит в сторону. – Аллергия. Цветёт всё.

–Марина, ты у нас на цветы никогда не чихала. Давай-ка колись.

Я закрываю глаза. Понимаю – не отвертеться.

– Сергей ушёл, – говорю я. – К другой. И деньги все увёл. Два миллиона семьсот.

На том конце повисает тишина. Потом я слышу, как бабушка что-то шепчет. Не разбираю слов, но по тону понимаю – это ни разу не молитва.

– Так, – говорит бабушка Люба после паузы. – Слушай меня, Марина. Сейчас ты работаешь. Заканчиваешь торт. Отвозишь клиентке. Потом собираешь вещи и приезжаешь в Сметанино. На своей машине. Я сказала.

– Бабушка, у меня заказы…

– Клиенты подождут. Отменишь. Форс-мажор. У меня для тебя дело есть. У нас тут эко-отель построили, нужен кондитер на лето. Платят как в Москве. И воздух, лес и никаких мужиков, которые воруют деньги.

«Никаких мужиков» звучит заманчиво. Очень заманчиво.

– И не спорь, – добавляет Люба. – Я уже всё решила. Приедешь, как торт отвезёшь. Жду.

– Хорошо, бабушка, – говорю я. – Как сделаю – приеду.

– Вот и умница.

Она отключается. Я смотрю на телефон минуту, потом

убираю его в карман фартука.

Работаю дальше. Розочки, пионы, лепестки. Мир снова сужается до нескольких квадратных сантиметров кремового полотна.

В четыре часа дня торт готов.

Смотрю на него и чувствую только пустоту. Он красивый. Идеальный. Таким и должен быть свадебный торт для чужой счастливой жизни.

Аккуратно упаковываю его в коробку, гружу в машину. Старая «Киа Рио» пахнет бензином и почему-то ванилью. Ладика оставляю в студии – он не любит машину, а мне не нужны лишние проблемы на дороге.

Еду в коттеджный посёлок. Пробки, светофоры, бесконечные ряды машин. Везу торт женщине, которую увижу в первый и последний раз. Она не узнает, чего мне стоило сделать этот заказ. И не должна.

Светлана встречает меня на пороге дома. Сияющая, счастливая, в кружевном халате, с бигудями на голове. За её спиной суетятся родственники, пахнет шампанским и цветами.

– Мариночка, какая прелесть! – ахает она, заглядывая в коробку. – Это просто шедевр! Спасибо вам огромное!

Я улыбаюсь. Профессиональная улыбка. Такая же искусственная, как эти розочки.

– Спасибо. Свадьба завтра? Желаю вам счастья.

– Обязательно приходите! – щебечет Светлана. – Мы вас ждём!

Я обещаю подумать. Вру, конечно.

Возвращаюсь в студию. Уже темнеет. Мармелад встречает меня требовательным мяуканьем – миска пуста. Мне становится стыдно перед котом. Кормлю его, глажу, извиняюсь.

Потом сажусь на пол и разрешаю себе заплакать. Второй раз за сегодня. Но теперь – тихо, без надрыва. Просто сижу, обняв колени, и слезы текут сами собой.

Ладик, наевшись, запрыгивает на колени, сворачивается калачиком, начинает мурлыкать. Глупый кот. Он ещё не знает, что завтра мы уезжаем. Что эта наша жизнь кончилась и начинается новая. Что я не знаю, какая она будет.

Собираю вещи почти ночью. По списку, конечно же. Я же удобная и предсказуемая. Вещи. Всё необходимое для кондитерской. Продукты. Ноутбук. Книгу с рецептами. И отдельная сумку с приданым Мармелада.

Ключи от студии оставляю консьержке. Пишу записку: «Уехала на месяц. Связь по телефону».

Выезжаю рано утром. По пути заезжаю в круглосуточный гипермаркет, чтобы купить всё необходимое для деревенской кондитерской. Не ездить же потом каждый выходной в райцентр. Солнце только встаёт, город ещё не проснулся. Ладик орёт первые полчаса, потом устаёт и замолкает. Я включаю музыку, но почти не слушаю.

Москва остаётся позади. Дорога уходит вперёд, ровная и бесконечная. Триста километров до Сметанино. Я не люблю долгие поездки за рулём, но сейчас хочу ехать. Чем дальше

– тем лучше.

Думаю о том, что меня ждёт в деревне. Бабушка, её подруга Тося, деревенская тишина и работа в эко-отеле. Никаких предательств. Никаких мужчин.

2

Любовь Прокофьевна не привыкла ждать. В свои семьдесят три она всё такая же решительная и стремительная, как и в молодости. Внучку нужно было спасать. Вот только как? В одиночку такой вопрос ей точно не решить.

Подруга детства Тося и по совместительству соседка живёт в соседнем доме. У них даже тайная калитка в заборе в саду имеется, чтоб не обходить непонятно сколько. Люба накидывает цветастый платок, берёт заварник с мятным чаем и идёт к подруге. Тося сидит в беседке и перебирает фасоль.

– Чего не спишь? – вместо приветствия спрашивает Тося, не поднимая головы.

Они узнают друг друга по шагам. Шестьдесят лет дружбы – это не шутка.

– Внучка моя, Марина, – выдыхает Люба, плюхаясь рядом. – Беда у неё.

Тося отрывается от фасоли и смотрит на подругу. В её выцветших, но цепких глазах – внимание и тревога.

– Рассказывай, - требует она.

Люба и рассказывает. С эмоциями, с крепким словцом. Про жениха, который ушёл к инструкторше по пилатесу. Про деньги, которые он украл – два миллиона семьсот, представляешь. Про торт, который Марина испортила и переделывала заново. Про котёнка бенгала по имени Мармелад, у кото-

рого тоже стресс из-за этого козла.

– Теперь Маришка к нам приедет. В администрации объявление было, что требуется кондитер. Вот и будет баловать этих приезжих из эко-отеля.

– Бедная девочка, – качает головой Тося. – Как переживает, наверное.

– Переживает, – соглашается Люба. – Но она сильная.

Тося усмехается.

- Ничего, - усмехается Тося. – Тут она быстро в себя придёт. Ещё и денег заработает. Дениска мой кроликов в эко-отель продаёт за хорошие деньги.

- Тося, караул! – хватается за голову Люба. – Они же оба теперь противоположный пол на дух не переносят! Мы правнуков с тобой не дождёмся. Или Денис отошёл уже?

- Ага, - хмыкает Тося. – Взял и двадцать раз отошёл! Он на своих кроликах, похоже, свихнулся! Знаешь, чего удумал?

- Чего? – с любопытством интересуется Люба.

Тосиного Дениса Люба знает с рождения. Это Маришку дочь её непутевая воспитывала как городскую барышню. Привозила к ней в деревню внучку раз в месяц на выходные. А Денис Тосин чуть ли не с грудничкового возраста у бабушки жил. Потом мать его в суворовское отдала, реже появляться стал. А с год с лишним назад он вернулся в деревню. Душу лечить после развода.

- Кроличий зоопарк устроить решил! – нервно фыркает Тося. – Для этих, из эко-отеля. Ладно, двор родителей му-

жа моего покойного в крольчатник превратил… Бог с ним! Лишь бы душенька его спокойна была после этой стервы Ленки. Но теперь туда чужие ходить будут. Муж мой в гробу переворачивается. Зоопарк кроличий, тьфу!

– Тось, ему же надо чем-то заниматься! – Люба пытается успокоить подругу, но куда там.

– Он каждому кролику имя дал, - не унимается Тося. – Каждому! А в зоопарке их тридцать штук. Я его спрашиваю: внучок, ты как определяешь кто из них для забавы, а кто для мяса? Он только отмахивается в ответ и бурчит. Свихнулся…

– Тось, а на сколько он моей Маришки старше? – интересуется Люба.

– А я почём знаю? – удивляется Тося. – Дениске тридцать пять. Сама считай.

Люба перебирает в голове факты. Её Маришке двадцать восемь, и она не хочет слышать ни о каких мужиках. Денис в свои тридцать пять тоже закрылся от всего мира. И они оба сбежали в Сметанино. Точнее, Маришка только в пути сюда.

– Тося, – медленно говорит Люба, чувствуя, как в голове складывается пазл. – Они ведь теперь будут соседями.

– Кто?

– Марина и Денис. Она в моём доме, он в твоём. Через забор.

Тося замирает и смотрит на Любу долгим, понимающим взглядом.

– Ты о чём это думаешь?

– О том же, о чём и ты, – отвечает Люба. – Два разбитых сердца. Два человека, которые клянутся, что любовь им больше не нужна. Оба молодые, оба красивые. Оба одинокие.

– И оба с таким характером, что рехнуться можно, – хмуро добавляет Тося. – Денис мой – кремень. Если сказал, что не женится больше, то так оно и будет.

– А Марина моя сказала, что больше никаких мужиков. Собирается печь пироги и растить кактусы.

– Какие кактусы?

– Понятия не имею. Но звучит угрожающе.

Они замолкают. Но напряженная работа их мыслей ощущается в пространстве беседки.

– Думаешь, их можно свести? – тихо спрашивает Тося.

– А ты сомневаешься?

– Я сомневаюсь, что они на это согласятся. Денис скорее кроликам предложение сделает, чем женщине. А твоя Марина? Она едет залечивать раны, а не за новыми приключениями.

– Не согласятся, конечно, – соглашается Люба. – Но мы им поможем.

– Как?

– А вот тут нам надо хорошенечко всё обдумать. Чтоб наверняка всё получилось. И чтоб операция «Малиновый соус» у нас прошла успешно.

– Ишь, название какое выдумала! «Малиновый соус». Люб, сериалов пересмотрела? – по доброму усмехается Тося.

– Ничего я не пересмотрела. Помнишь, Денис кролика тушил и вместо вина твоей малиновой настойки добавил. Вкусно получилось. А Маринка такие пироги с малиной печёт, что мозги отъешь. Малинка к малинке – вот и случится у них любовь под малиновым соусом.

– Опасная ты женщина, Люба, - Тося качает головой.

– Я – любящая бабушка, – поправляет та. – И ты тоже вообще-то.

– А если не получится? – спрашивает Тося. – Если они друг другу не подойдут?

– Подойдут, – уверенно отвечает Люба.

– С чего такая уверенность?

– С того, что оба дураки в личной жизни. Дураки всегда находят друг друга.

– Ладно, – смеётся Тося.

Они чокаются чашками с мятным и ромашковым чаем за успех малиновой операции.

3

Триста километров – это много. Особенно когда за рулём ты одна и кот беспрестанно орёт. К середине дороги у меня сначала закончился кофе в термосе, ещё через полчаса исчез интернет, а следом помахал рукой и мой оптимизм.

К Сметанино я подъезжаю ближе к обеду. Солнце уже в зените, жара такая, что всё кругом плавится. Вот вообще не представляю, как буду здесь жить без кондиционера. Бабушка Люба, правда, обещала прохладу в доме. Удивительно, но у неё прохладно даже в самое пекло.

Сворачиваю на просёлочную дорогу, и меня начинает трясти так, что зубы стучат. Мармелад просыпается и тоже возмущённо мяучит.

– Потерпи, Ладик, – говорю я. – Почти приехали.

Деревня встречает меня запахом свежего сена и прочими божественными ароматами. А мне хочется только одного: принять душ. Хотя… Ещё очень хочется забыть что козёл по имени Сергей вообще существует.

Подъезжаю к бабушкиному дому и машинально собираюсь свернуть под огромный старый орех – моё любимое место. Здесь всегда тень, здесь я парковалась каждое лето с тех пор, как получила права.

Но сегодня на моём месте стоит чужой внедорожник. Чёрный, наглый, здоровенный. С тонированными стёклами и ко-

лёсами, которые явно видели не один лес. Он занимает всё пространство под орехом. Будто это его законное место, а я – непрошеная гостья.

– Серьёзно? – вслух спрашиваю я у вселенной.

Вселенная молчит. Мармелад орёт. Я глушу двигатель и выхожу из машины. Понимаю, что сейчас разревусь от злости. Именно от злости, а не от обиды. Потому что у меня нет сил, нет нужной порции кофеина в организме, нет нормальной жизни, а теперь ещё и нет привычного парковочного места под орехом. Теперь придётся каждый раз загонять машину в гараж, чтобы она не стояла на солнце. А гараж маленький, тёмный и страшный. Я помню его с детства. Там пахнет бензином, и пауки по углам живут. Пауков я боюсь с пяти лет, когда один из них упал мне на плечо. С тех пор гараж – моё личное проклятие.

– Да чтоб тебя, – цежу я сквозь зубы, открывая багажник.

Начинаю выгружать вещи. Сумка с продуктами, сумка с кондитерскими принадлежностями, сумка с моими вещами, сумка с вещами Мармелада, сама переноска с Мармеладом. Кот орёт так, что, наверное, слышит вся деревня. У меня выскальзывает одна сумка, потом вторая. Я подскальзываюсь на траве и едва не падаю вместе с переноской.

- Девушка, вас не учили, что бросать машину на дороге нельзя? – слышу голос сзади и медленно оборачиваюсь.

Мужчина в камуфляжных штанах, в простой чёрной футболке, которая обтягивает широкие плечи, недовольно смот-

рит на меня. Тёмные волосы небрежно зачёсаны назад, и бриться он явно забывает или делает это через раз. Он идёт к внедорожнику, уже не глядя на меня. А я успеваю рассмотреть его хмурое красивое лицо с лёгкими морщинками в уголках глаз. Будто он постоянно щурится.

– Это ваша машина? – спрашиваю я, сжимая сумку.

Он останавливается. Его взгляд скользит по мне сверху вниз. Не оценивающий, нет. Я интересую его не больше забора. Скорее, раздражённый.

– Моя, – отвечает он низким, хриплым голосом. – А вам свою надо отогнать. Я выехать не смогу.

– Место под орехом вообще-то всегда было моим, – заявляю я. – Я здесь паркуюсь.

– Не видел там таблички с вашим именем, – пожимает он плечами.

Меня накрывает.

– Это место моей бабушки! – говорю я, чувствуя, как внутри закипает злость, смешанная с усталостью.

– За двором место вообще-то общее, – отвечает он. – Кто первый встал, того и тапки.

– Вы встали на моё место.

– А вы опоздали.

Я открываю рот, чтобы сказать ему всё, что думаю о таких, как он. О мужчинах, которые считают, что им всё позволено. О козлах, которые бросают женщин и забирают деньги. О хамах, которые не умеют признавать свою неправоту

и извиняться. Но не успеваю. У нашей калитки появляется бабушка Люба, а у соседней – бабушка Тося. Интересно, откуда здесь этот хам?

– Дети, не ругайтесь, – говорит бабушка Люба миролюбиво. – Мариночка, приехала! А мы тебя заждались.

– Это место моё, – всё ещё зло, но уже тише говорю я.

– Денис, помоги девушке с вещами, – просит бабушка Тося. – Соседи всё-таки.

Денис. Его зовут Денис. Вполне нормальное имя. Я ожидала чего-то более деревенского.

– Сама справлюсь, – бросаю я и хватаю ещё одну сумку.

Она тяжёлая. Я не рассчитала силы, сумка выскальзывает из рук и падает на землю. Мармелад в переноске орёт так, будто его режут. Мне снова хочется сесть на землю и разреветься. Прямо здесь, под этим чёртовым орехом.

Денис молча подходит, поднимает сумки, забирает переноску с котом и направляется к бабушкиному крыльцу. Не спрашивает разрешения, не смотрит на меня.

– Я сказала, сама справлюсь, – говорю я в спину.

– А я услышал, – отвечает он, не оборачиваясь. – Но я всё-таки послушный внук.

Я смотрю на его широкую спину, на то, как он несёт мои вещи, будто они ничего не весят, и чувствую одновременно злость и благодарность.

– Спасибо, – цежу я сквозь зубы.

Он кивает, ставит сумки на крыльцо и уходит. Даже не

оглядывается.

– Ну что, – говорит бабушка Люба, когда мы остаёмся одни. – Как доехала?

– Как доехала? – я смотрю на неё, и злые слова вырываются сами собой. – Я ехала триста километров, у меня кот орал полдороги, я пить хочу, есть хочу, спать хочу, а этот козёл занял моё место под орехом, и теперь мне придётся каждый раз загонять машину в гараж, где пауки!

Бабушка Люба слушает, кивает и не перебивает. Её спокойствие действует на меня как холодный компресс. Вроде бы ничего не говорит, но накал моих страстей начинает спадать.

– А ещё этот Денис! – продолжаю я. – Он даже не извинился! Сказал: «Не видел таблички с вашим именем». Каков наглец!

– Мариночка, – говорит Люба, когда я выдыхаюсь. – Денис – внук Тоси. Ты разве его не помнишь? Он хороший парень. Просто после развода, правда, одичал немного.

– Мне плевать, что он одичал! – кричу я. – Он занял моё место!

– Место – оно общее, – мягко говорит Люба. – Тебя же здесь не было. А он почти два года тут живёт. Вот и стал ставить своего зверя под орех.

– И что теперь? Я должна теперь каждый раз в гараж заезжать?

– Гараж нормальный, – успокаивает меня Люба. – Там

недавно кролики Дениса были на передержке, но их уже вывезли. Чисто там. Ни одного паука.

Кролики в гараже – это, конечно, что-то новенькое. Я смотрю на бабушку, пытаясь понять, шутит она или нет. Не шутит.

– Кролики? – переспрашиваю я.

– У Дениса кроличья ферма. Он их разводит, – поясняет Люба, и в её голосе звучит что-то похожее на гордость.

Будто бы разводить кроликов – это подвиг. Камуфляж. Занятое место под орехом. Хамское «не видел таблички». И зачем бабушка всё это рассказывает? Я не хочу ничего знать об этом человеке. Я хочу только одного: чтобы он убрал свою машину с моего места и не попадался мне на глаза.

– Мне всё равно, – говорю я. – Я устала, я хочу есть и спать.

– Так занеси вещи и поспи, – соглашается Люба.

– Нет. Я приму душ и поеду в эко-отель, – вспоминаю я. – Насчёт работы. Нельзя отдыхать, когда у тебя ни копейки за душой.

– Сначала поешь, а потом поедешь, – командует Люба.

Я затаскиваю вещи в дом. Выпускаю Мармелада из переноски. Он обследует территорию. Обходит каждую комнату, обнюхивает каждый угол, чихает на герань, запрыгивает на подоконник и начинает смотреть на улицу с видом короля, который обозревает свои новые владения. Потом спрыгивает и забирается под диван.

– Трусишка, – говорю я ему.

Ладик не отвечает.

Захожу на кухню и застываю.

Стол ломится.

Посередине – огромная миска с дымящимися щами, наваристыми, с крупной капустой, кусками говядины и свежей зеленью, плавающей поверху. Рядом – глубокое блюдо с картошкой, запечённой в мундире, которая только что из печи, с золотистой корочкой и треснувшей кожицей, из которой сочится пар. Чуть поодаль – румяные пирожки с капустой, с ливером, с яйцом и луком, выложенные горкой на деревянной доске.

На отдельной тарелке – соленья: хрустящие огурцы, помидоры, квашеная капуста с клюквой, маринованные опята. Всё своё, домашнее, пахнущее укропом и чесноком.

И конечно, варенье. Несколько розеток: вишнёвое, смородиновое, клубничное – и та самая заветная баночка с малиновым, которую Люба берегла «для особого случая».

– Садись, – командует Люба, пододвигая стул. – Ешь.

– Бабушка, я столько не съем…

– А ты не смотри на количество. Ты с дороги, голодная. Ешь.

Я сажусь. Беру ложку, зачерпываю щи. Горячие, наваристые, с кислинкой – именно такие, какие я помню с детства. Бабушка Люба пристально за мной наблюдает.

– Мариш, а может завтра уже про работу узнавать по-

едешь? Сегодня отдохнёшь. А потом к Тосе сходим. На кроликов посмотришь. У Дениса их столько…

– Бабушка, пожалуйста, не напоминай об этом хаме! – при упоминании этого имени я давлюсь компотом.

Несмотря на бабушкины просьбы я всё же собираюсь в эко-отель. Переодеваюсь, кладу в сумку планшет, визитки и, на всякий случай, брендбук. Надо же произвести впечатление.

– Ты на своей машине поедешь? – с сомнением смотри на меня бабушка Люба.

– Конечно.

– Устала же. И опять за руль?

– Я в порядке.

– Не в порядке, – отрезает Люба. – Глаза красные, лицо бледное. Отдыхать надо. Денис тоже туда едет. Он тебя подвезёт.

– Только не это! – я чувствую, как внутри снова закипает злость.

– Марина, не будь дурой. Тебе отдыхать надо, а не снова за руль.

– Я не поеду с ним!

– Поедешь.

– Не поеду!

– Поедешь, – повторяет Люба тоном, не терпящим возражений. – Я сказала.

Я пытаюсь спорить, но бабушка уже вышла на улицу и о чём-то договаривается с бабушкой Тосей. Та кивает, скрывается в доме и через минуту выходит с Денисом.

– Давай, внучок, подвези девушку, – говорит Тося. – Ты же всё равно туда едешь.

– Девушка и сама за рулём, – бурчит Денис.

– Она с дороги, внучек!

Он смотрит на меня. Я смотрю на него. Он явно не рад, как и я.

– Ладно, – говорит он. – Идём.

Я забираюсь на пассажирское сиденье, он садится за руль. Оба демонстративно молчим. Он заводит двигатель, и мы выезжаем.

– Может ты всё-таки освободишь моё место? – спрашиваю я, когда деревня остаётся позади.

– Место общее. Кто первый встал…

– …того и тапки, – заканчиваю я. – Слышала уже.

– Ну и славно.

Дорога до эко-отеля петляет между полей. Я смотрю в окно, делаю вид, что меня здесь вообще нет.

– Ты надолго ты здесь собираешься остаться? – не выдерживаю и спрашиваю, не глядя на Дениса.

– А ты? – парирует он.

– Пока не надоест.

Денис хмыкает. Я чувствую, что он усмехается, даже не видя его лица.

– А я навсегда здесь решил осесть.

– Я ещё не знаю где хочу остаться.

– Потому что не нашла того, кто захочет с тобой остаться? – небрежно спрашивает Денис.

Я понимаю, что он имеет в виду. Сергей. Деньги. Моя разрушенная жизнь. Бабушка, ну кто тебя просил всем рассказывать? Я сжимаю зубы и говорю:

– А ты нашёл? Место, где хочется остаться? Или просто боишься уехать, потому что больше некуда?

– Мне есть куда. Я просто не бегаю.

– А кто бегает? Я? Я работать приехала. У меня есть цель. А у тебя? Кролики?

– Кролики не предают, – говорит он тихо. – В отличие от людей.

– Ага. И разговаривать с ними проще, чем с живыми людьми? – я чувствую, как внутри закипает злость. – Ты поэтому в деревне заперся? Чтобы никого не видеть и никому не верить?

– А ты приехала, чтобы все вокруг жалели бедную Марину? – его голос становится ещё холоднее.

– Я не прошу меня жалеть!

– А что ты просишь? – он поворачивается ко мне, и я вижу его злое лицо. – Место под орехом?

– Я ничего у тебя не прошу! – кричу я.

– Вот и отлично, – Денис резко тормозит прямо на обочине.

– Что ты делаешь? – я смотрю на него, не понимая.

– Выходи, – командует он.

– Что?

– Выходи, говорю. Сама дойдёшь до отеля. Тут уже близко.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно.

Я смотрю на него. Он не шутит. Он действительно высаживает меня посреди поля, потому что я посмела сказать правду.

– Какой же ты… – начинаю я, но он перебивает:

– Выходи, Марина. Не заставляй меня повторять.

Я открываю дверь, выхожу. Хлопаю так, что машина качается. Денис не смотрит на меня. Он включает поворотник и уезжает.

Я остаюсь одна на пыльной дороге. Вокруг – поля, лес, небо. И тишина. И жара. И злость, которая душит меня.

– Козёл! – кричу я вслед внедорожнику.

Я иду по дороге и думаю о том, что ненавижу этого человека. Ненавижу его машину, его кроликов, его хмурое лицо, его голос. Ненавижу его за то, что он прав: я сбежала. Не от Сергея – от себя. От своей неудачной жизни, от планов, которые рухнули, от боли, которая не проходит.

Но ему какое дело до этого? Он – никто. Сосед. Кролиководь. Человек, который променял людей на животных, потому что боялся снова обжечься. Такие, как он, не имеют пра-

ва судить.

А ещё я злюсь на бабушку за излишнюю болтливость. Но эту злость взрастить не успеваю. Вот он – эко-отель. Выглядит как картинка из журнала. Деревянные домики, ухоженные дорожки, цветы в кадках, вид на лес. Здесь красиво. Спокойно. И пахнет хвоей. Я чувствую, как злость отступает.

Я иду в ресепшн.

– Здравствуйте, я по поводу вакансии кондитера, – говорю девушке за стойкой.

– Сейчас позову хозяина, – улыбается она.

Хозяин выходит через минуту. Он высокий, в дорогом поло, обаятельный. Я смотрю на него и чувствую, как холодок пробегает по спине. Узнаю его.

– Марина! – говорит он. – Какая встреча!

– Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич, – выдавливаю я.

Мой постоянный заказчик. Недавно он даже пошутил, что я – его персональный кондитер. Ну да, торт для мамы, капкейки для детских праздников, торт на свадьбу племянницы. И много чего ещё по мелочи. Он очень требовательный заказчик, но никогда не торгуется. И он неплохо знает Сергея. Они, кажется, вместе ходят в фитнес-клуб.

– Какими судьбами здесь? – спрашивает он, протягивая руку.

– Решила сменить обстановку. К бабушке приехала и поработать решила, - пожимаю его руку.

– Так вы и есть – кондитер на собеседование? – удивляется

он.

– Если вы не против.

– Я – «за» обеими руками. И собеседование отменяется. Ваши торты – это нечто. Ваша «Малиновая мечта» – лучший десерт, который я пробовал.

– Рада, что вам нравится, - улыбаюсь я профессиональной улыбкой.

– Тогда договорились. Завтра обсудим детали. Меню, график, зарплату. Я буду рад, если вы согласитесь.

– Соглашусь, – говорю я.

Он предлагает отвезти меня обратно. Отказываться глупо – такси в деревне не вызвать, а этот хам Денис уехал. Я соглашаюсь.

Дмитрий Сергеевич садится за руль своего чёрного внедорожника. По дороге он много говорит. Про отель, про планы, про то, как рад, что я здесь. Я лишь киваю и делаю вид, что слушаю. И мысленно благодарю его за то, что он не спрашивает о Сергее.

– Буду ждать вас через два дня, – говорит он, высаживая меня у бабушкиного дома. – У нас есть автобус для местных работников. Но я могу и сам за вами заезжать.

– Не стоит. Сбросьте, пожалуйста, расписание. Спасибо и до завтра, – отвечаю я.

В доме тихо. Бабушка ещё у Тоси. Я решаю, что прилягу на полчаса, а потом займусь делами.

Утро начинается с тишины. Странной, непривычной ти-

шины. В Москве я бы слышала дрель соседа, сигналы машин, чей-то громкий разговор за стенкой. Здесь – ничего. Только ветер в ветвях ореха и далёкое мычание коровы.

Я открываю глаза. Солнце уже высоко, пробивается сквозь занавески, рисует золотые полосы на полу. Часы показывают девять. Я проспала почти двенадцать часов.

– Мама дорогая, – бормочу я, садясь.

Потягиваюсь, чувствуя, как тело ноет после вчерашнего напряжения и пересыпа. Иду на кухню. Бабушки Любы нет. На столе записка, написанная её крупным, немного дрожащим почерком: «Ушла к Тосе. Завтрак в холодильнике. Люблю».

Я ем творог со сметаной, пью чай с мятой и чувствую, как силы возвращаются. Сегодня надо помочь бабушке, набросать меню для эко-отеля и отправить его Дмитрию Сергеевичу. В общем, новая жизнь начинается.

– Мармелад? – зову я. – Ладик? Иди завтракать.

Тишина.

– Мармелад?

Заглядываю под диван – пусто. На кухне – пусто. В спальне – пусто. На подоконнике, где он сидел вчера, – тоже пусто.

– Ладик! – кричу я уже громче. – Кис-кис-кис.

Никого. Я обхожу дом ещё раз. Заглядываю в каждый угол, открываю все шкафы, даже под ванну залезаю. Нигде. Ни под кроватью, ни за шкафом, ни в кладовке.

– Мармелад! – кричу я, выбегая на крыльцо.

Осматриваю двор. Может, он выбежал, когда я открывала дверь? Но во дворе никого. Выхожу на улицу. Под орехом только чёрный внедорожник., но кота под ним нет.

– Мармелад!

Где-то лает собака. Ветер шевелит листья. Кот не отзывается. Я оббегаю двор, заглядываю в сад, под крыльцо, в гараж. Страх перед пауками сейчас кажется мне глупым и далёким. Я готова залезть в любое тёмное место, только бы найти кота.

– Ладик! – кричу я, заглядывая в сарай.

Тишина. Только паутина на дверях. Возвращаюсь на крыльцо, сажусь на ступеньки и понимаю – кота нигде нет. Ни в доме, ни во дворе, ни в гараже, ни на улице. Он исчез. Сбежал. Потерялся.

Внутри меня что-то обрывается.

Мармелад – кот домашний, не приспособленный к деревенской жизни. Он никогда не выходил на улицу без переноски. Он не знает, что такое собаки, машины, чужие люди. Он не знает, что здесь – не Москва, где его найдут и вернут хозяевам. Здесь – деревня. Здесь если кот пропал – он пропал навсегда.

Слёзы подступают к глазам, но я их сдерживаю. Не сейчас. Сейчас надо искать.

Мармелад, глупый кот! Ну зачем ты сбежал?

4

Ворочаюсь с боку на бок. То сбрасываю покрывало, то закутываюсь в него с головой, а потом снова сбрасываю. В голове крутятся обрывки мыслей, не связанных друг с другом, но все они почему-то все они о новой соседке. Как её? Марина.

Блондинка. В белом платье, которое совершенно не подходит для деревни. С ангельским голоском, который в один миг может превратиться в ультразвук. С умением вежливо нахамить. Вот от этого умения очень хочется закопаться в сено, заготовленное для кроликов, и не вылезать оттуда. Лишь бы её больше не видеть.

«Место под орехом всегда было моим». Ну надо же! Её. Она здесь бывает раз полгода, а я живу тут постоянно. И кто кому должен уступать? Я? Ни за что.

Переворачиваюсь на живот, утыкаюсь лицом в подушку. Не спится.

В памяти всплывают её глаза. Серые. Сначала они казались холодными, а потом, когда она разозлилась, в них вспыхнуло такие искры. Я такой злости давно не видел. И такой красоты тоже.

– Да чтоб тебя, – бормочу я в подушку.

Это неправильно. Я не должен был обращать на неё внимания. На её фигуру. На то, как она грациозно подбирала

сумки с травы, чертыхаясь и спотыкаясь. На то, как она сказала «спасибо» сквозь зубы. Будто благодарность – это выше её сил.

Я должен её ненавидеть. Очередная городская.. Избалованная. Наверняка такая же, как Ленка. Сначала будет в любви клясться, а при первой же возможности уйдёт к кому-то более удобному.

– Она такая же, – говорю я вслух.

В пустой комнате голос звучит глухо, как из бочки. Закрываю глаза и пытаюсь вспомнить что-нибудь о кроликах. Какие корма лучше, как лечить ушного клеща, сколько клеток нужно построить к зиме. Это помогало всегда. Но только не сегодня. Вместо кроликов перед глазами стоит она. Марина.

– Да что ж такое, – стону я.

За окном уже сереет. Бросаю попытки уснуть, встаю, натягиваю джинсы и выхожу на крыльцо. Утро встречает меня прохладой и запахом сырой земли. Где-то за огородом кричат петухи.

Сажусь на ступеньки, достаю сигарету. Закуриваю. Вспоминаю вчерашний день.

Разговор с бабушкой Тосей случился ещё до того, как Марина приехала.

– Денис, – сказала она, заходя в сарай без стука, – у Любы внучка приезжает. Марина. Кондитер из Москвы.

– И? – спросил я, не оборачиваясь.

– И ничего. Новая соседка будет. Ты бы помог ей сориен-

тироваться в деревне.

– Я помогал другой твоей соседке уже, – напомнил я.

Тося помолчала. Я знал, что она поняла, о ком я. Ленка. Бывшая. Тоже приехала из города, тоже казалась лёгкой и воздушной. А потом я узнал, что такое лёгкость, когда она уходила к моему бывшему сослуживцу Коляну, прихватив квартиру в райцентре и мою веру в людей.

– Денис, – мягко сказала Тося, – Марина – не Ленка.

– Все они одинаковые.

– Не все.

– Ты не знаешь.

– А ты откуда знаешь? Ты с ней даже не знаком.

Я отложил инструменты, повернулся к бабушке. Она стояла в дверях, поджав губы, с этим своим упрямым выражением, которое я знал с детства.

– Бабуль, я не хочу новых знакомств. Мне хватает старых.

– И где они?

– Ба, мне себя хватает. И кроликов.

– Кролики – не люди. Они не согреют тебя ночью. Не скажут ласкового слова.

– Я не хочу ласковых слов. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Тося вздохнула, прошла в сарай, села на перевёрнутый ящик. Я знал этот вздох. Он означал, бабушка не уйдёт, пока не выскажется.

– Я тебе расскажу, что случилось с Мариной? – спросила

она.

– Мне это неинтересно.

– А ты послушай. Может, поймёшь, что не один такой обожжённый.

Я скрестил руки на груди. Мне не хотелось слушать, но бабушка Тося уже начала.

– Её жених, Сергей, – она произнесла это имя с таким отвращением, будто выплёвывала червивую вишню, – оказался подлецом. Увёл все их сбережения. Два миллиона семьсот тысяч рублей. Понимаешь? Все, что они копили на квартиру. Отдал своей фитнес-инструкторше. А Маринке сказал: «Ты удобная, понятная, домашняя». И ушёл.

Я замер. Два миллиона семьсот. Копить, отказывать себе в новом, верить, что вы вместе, а потом узнать, что всё это время тебя обманывали. Да уж…

– Поэтому она сюда и едет, – продолжала Тося. – К Любе. Душу лечить. Как ты когда-то.

Я промолчал. Как я когда-то. Тоже приехал с твёрдым намерением никого к себе не подпускать. Пока получалось.

– А ты знаешь, – сказал я глухо, – что Ленка до сих пор пытается отсудить у меня мою часть агентства?

– Как? – удивилась Тося. – Ты же ей и так всё оставил. Кроме агентства. И что теперь?

– Адвокаты. Письма. Суды. – усмехаюсь горько. – Она хочет выжать из меня всё, что можно.

– Боже мой, – прошептала Тося. – И ты молчал?

– А что говорить? Жаловаться? Я не умею. Я умею работать и молчать.

Бабушка Тося покачала головой. В её глазах блестели слёзы. Она никогда не умела скрывать эмоции.

– Денис, ты только не замыкайся. Ты хороший. Надёжный. Ты заслуживаешь счастья.

– Счастье – это когда никто не трогает, – сказал я. – Вот у меня кролики. Я их уже после развода завёл. Они не предают. И не трогают.

Тося ничего не ответила. Она встала, подошла ко мне, погладила по плечу и вышла.

А я остался в сарае.

Думал о Ленке. Как мы познакомились. Как она смеялась моим шуткам. Как говорила, что я «самый надёжный мужчина на свете». Как мы поженились через полгода. Как я верил, что это навсегда. Потом я узнал, что Колян и Ленка – вместе. Не тайком, а открыто. Она собрала вещи, вызвала такси и сказала: «Денис, ты скучный. С тобой не о чем говорить. Ты только о работе». Работа. Агентство. Колян. Всё переплелось в один грязный клубок.

Кролики появились уже после развода. Сначала взял пару штук – сосед отдал. Потом захотелось больше. Ферма, клетки, корма. Это отвлекает.

И теперь эта Марина. Тоже брошенная. Тоже обманутая. Тоже приехала в деревню залечивать раны.

– Мы с ней похожи, – сказал я вчера кроликам. – Но это

ничего не значит. Ни-че-го.

Хватит уже об этой Марине думать. На носу открытие кроличьего зоопарка. Нужно проверить, как там клетки после вчерашней уборки. Открытие через два дня, а дел ещё много.

Зоопарк я устроил на месте старого сарая, который когда-то принадлежал отцу. Переделал всё своими руками: клетки, вольеры, дорожки для посетителей. Покрасил, побелил, поставил лавочки. Кролики будут чувствовать себя здесь королями.

Открываю дверь и замираю. Первая клетка разгромлена. Сено разбросано, поилка перевёрнута, кормушки вообще на полу.

– Что за… – начинаю я и перевожу взгляд на вторую.

Там то же самое. В третьей всё в порядке. Выдыхаю, подхожу ближе. Заглядываю внутрь и вижу его. Он спит. На подстилке из свежего сена, свернувшись калачиком, с самым наглым видом. Бенгал. Пятнистый, как маленький леопард. Тот самый, который орал в переноске. Её кот.

– Ах ты, паршивец, – выдыхаю я.

Кот открывает один глаз, смотрит на меня, зевает и снова закрывает. Наглец. Самый настоящий. Как и его хозяйка.

Осматриваю остальные клетки. Парень успел полазить по трём, прежде чем устал и заснул. К счастью, кроликов я сюда ещё не переселил. Выдыхаю. Потом снова вдыхаю и чувствую, как злость поднимается изнутри. Она приехала. За-

няла моё место. Нашла себе богатого ухажёра. Видел вчера как её хозяин эко-отеля домой подвозил. И даже кот её уже здесь набедокурил.

– Хватит, – говорю я и иду к соседям.

Выхожу на улицу, пересекаю двор, распахиваю калитку дома Любы.

– Марина! – ору я. – Выходи!

Марина появляется откуда-то со стороны сада. Заплаканная, в растянутой футболке, с растрёпанными волосами. И почему она даже такая бесит?

– Что случилось? – спрашивает она, щурясь на солнце.

- Идём со мной, - не церемонюсь и тяну её следом за собой.

Марина даже не сопротивляется. Только растерянно оглядывается по сторонам. Мы заходим в зоопарк. Вытаскиваю кота из клетки. Тот не сопротивляется, только фыркает и повисает в моей руке, как тряпка.

– Это ваш? – Я поднимаю кота повыше.

– Ладик! – Она прижимает руки к груди. – Я тебя обыскалась!

– А он в моём кроличьем зоопарке. Ваш наглый кот устроил там погром. Перевернул три клетки, рассыпал корм. А если бы тут кролики уже были?

– Слава богу, – выдыхает она и улыбается.

Улыбается. Так, будто ничего страшного не случилось. Будто её кот – не вредитель, а ангел во плоти.

– Вы слышите меня? – спрашиваю я, стараясь говорить спокойно, но громко. – Ваш кот…

– Я слышу. Я заберу его и всё уберу.

– Сами?

– А вы хотели мне помочь? – Она забирает кота из моих рук, прижимает к груди.

Кот мурлыкает. Предатель.

– Я хочу, чтобы вы убрались обратно в свою Москву, – говорю я.

– Что?

– В Москву возвращайтесь обратно. Вы и ваш кот непригодны для деревенской жизни.

Марина смотрит на меня, и в её глазах снова вспыхивают искры. Но теперь я вижу там не только злость. Ещё боль. И обиду.

– Вы знаете, Денис, – говорит она тихо, – я хотела извиниться. За вчерашнее. Я погорячилась. Но теперь я передумала.

– Я не ждал от вас извинений.

– И не дождётесь теперь.

Она разворачивается и уходит. Кот выглядывает из-за её плеча. Он смотрит на меня с таким видом, будто я главный злодей в этой истории. А до меня наконец доходит что она сказала. Идиот. Я всё испортил. Она сказала, что хотела извиниться.

Через полчаса слышу шаги. Дверь скрипит, и на пороге

появляется она. С ведром, тряпкой и недовольным лицом.

– Где здесь веник? – спрашивает Марина.

– Я сам уберу.

– Я обещала. И я уберу.

Она проходит мимо меня, находит в углу веник и начинает мести. Молча. Стою, смотрю, как она работает, и снова чувствую себя последним идиотом.

– Знаете, – говорю я наконец, – я не хотел…

– Помолчите, пожалуйста! Всё, что вы хотели, вы уже сказали, – перебивает она.

– Дайте договорить.

– Хорошо, - она выпрямляется и опирается на веник.

– Я погорячился.

– Это всё?

– Нет. – Вздыхаю. – Простите. За то, что высадил вас на дороге. За то, что накричал сейчас. И за место под орехом.

Марина смотрит на меня долгим взглядом. Потом говорит:

– Извинения приняты. Но кот всё равно перевернул ваши клетки.

– Я заметил.

– Давайте я помогу.

– Не надо.

– Я хочу помочь. Я чувствую себя виноватой. И мне нужно… – она запинается. – Мне нужно чем-то занять голову. И руки.

Молчу. Потом киваю и протягиваю ей ведро с чистой водой.

– Начните с поилок. Их надо промыть.

– Хорошо.

Она работает молча, сосредоточенно. Я исподтишка наблюдаю за ней. В старой растянутой футболке, с растрёпанными волосами и сосредоточенным лицом она выглядит ещё красивее. Сегодня Марина красивая по настоящему. Отгоняю эту мысль от себя.

Мы убираем вместе часа два. Она моет поилки, я чиню дверцу клетки, которую кое-кто умудрился сломать. Потом Марина спрашивает:

– А кролики? Вы их покажете?

– Потом.

– Когда?

– Не знаю.

– Вы невыносимы, Денис.

– Взаимно.

Она улыбается. Я не отвечаю, но внутри что-то оттаивает.

Вечером, когда мы заканчиваем, она оглядывает зоопарк и говорит:

– Здесь красиво. У вас получится хорошее место.

– Надеюсь.

– Может, помогу с украшениями?

– Не надо.

– Я всё равно приду.

На следующий день Марина появляется на пороге зоопарка с коробкой бумажных гирлянд и связкой воздушных шаров.

– Это ещё что? – спрашиваю я.

– Украшения. К открытию нужно подготовиться.

– У меня есть свои.

– Сено и таблички «Не кормить»?

Она проходит мимо меня, не дожидаясь приглашения. Начинает развешивать гирлянды на клетках, привязывать шары к столбам. Я смотрю и злюсь. Но не мешаю.

– Вам помочь? – спрашиваю я наконец.

– Нет. Вы всё испортите.

– Я?

– Вы. У вас нет художественного вкуса.

Она забирается на табуретку, чтобы повесить гирлянду повыше. Табуретка шатается. Я хочу сказать, чтобы она слезала, но не успеваю. Древесина трещит. Марина вскрикивает. Табуретка уходит из-под ног. Я бросаюсь вперёд.

Хватаю её за талию. Она падает на меня. Мы вместе летим в сено, которое я приготовил для подстилки.

Сено мягкое. Мы приземляемся. Она сверху. Её волосы пахнут чем-то сладким. Ванилью или корицей. Мы смотрим друг на друга и тяжело дышим.

– Денис… – шепчет она.

– Что?

– Вы специально?

– Нет. Табуретка старая.

– Она не старая. Я сама…

– Сами упали.

– А вы меня поймали.

– Не дал упасть.

Её рука на моей груди. Я чувствую тепло даже через футболку.

– Марина, – говорю я.

– Что?

– Слезайте.

– Я не могу.

– Почему?

– Потому что вы меня держите.

Чёрт! Я действительно держу её за талию. Не отпускаю. Потому что не хочу отпускать.

– Денис.

– Что?

– Отпустите.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что…

Я не договариваю. Потому что не знаю, что сказать. Потому что если я сейчас её отпущу – она уйдёт. И правильно сделает. Марина не вырывается. Вырываться из моей хватки бесполезно. Она смотрит на меня. И сейчас в её глазах – не злость., не боль и не обида. Что-то другое. Тёплое. Сладкое.

Как малиновое варенье.

– Ты… – шепчет она.

– Что?

5

Сегодня всё обязательно пойдёт по-другому. Я стою перед зеркалом, поправляю воротник новой белой блузки с кружевными манжетами. Волосы уже уложены в аккуратный пучок, макияж лёгкий, но профессиональный. Я выгляжу как кондитер, к которому приходят за самым красивым тортом во всем мире. Да, я переоденусь в униформу, но хотя бы зайду в эко-отель при полном параде.

– Сегодня всё будет хорошо, – уверенно говорю я своему отражению.

Отражение кивает, словно тоже устало от вчерашних потрясений. Вспоминаю, и чувствую, как щёки краснеют. Мы упали в сено, точнее Денис поймал меня. А потом… Его сильные и тёплые руки очень крепко держали меня. Мы смотрели друг другу прямо в глаза. И я ощущала его запах – сено, табак и что-то такое, от чего путались мысли и кружилась голова. А ещё мне хотелось, чтоб это заканчивалось.

Но потом пришла бабушка Тося и всё испортила. Или, наоборот, спасла меня от глупостей? Не знаю. Но сегодня я не думаю об этом. Сегодня я выхожу на работу.

Мармелад сидит на подоконнике и смотрит на меня с укором.

– Не смотри на меня так! – говорю я. – Мне надо зарабатывать деньги.

Он отворачивается, демонстративно вылизывая лапу. Я закатываю глаза, хватаю сумку и выхожу из дома.

Утро в Сметанино пахнет свежескошенной травой спелыми ягодами и цветами из палисадников.

– Мариш, ты Дениса не видела? – спрашивает бабушка Тося, высовываясь из своей калитки.

– Нет, – отвечаю я слишком быстро. – И не хочу видеть.

Тося усмехается и скрывается в доме. Я сажусь в машину, завожу двигатель и выезжаю.

Эко-отель встречает меня всё тем же запахом хвои и свежего кофе. Дмитрий Сергеевич ждёт у входа. Улыбается, но почему-то в его улыбке читается какой-то подвох. Или я себя накручиваю?

– Марина, – говорит он, протягивая руку. – Вы прекрасно выглядите.

– Спасибо, – пожимаю я её. – Я готова работать.

– Тогда пойдёмте. Я покажу вам вашу кухню.

Мою кухню. Эти слова звучат как музыка. Он ведёт меня через ресепшн, мимо деревянных домиков, в отдельное здание. Я замираю на пороге. Внутри просторно, светло, белые стены, большие окна, профессиональные печи, холодильники, столы для работы. Всё новое, блестящее, идеальное.

– Нравится? – спрашивает Дмитрий Сергеевич.

– Очень.

– Это всё ваше. Делайте что хотите. Мы вам не мешаем.

Я прохожу внутрь, касаюсь рукой столешницы. Хочется

плакать от счастья. Это не идёт ни в какое сравнение с моей студией.

– Спасибо, – говорю я. – Вы даже не представляете, что это для меня значит.

– Представляю, – он смотрит на меня долгим взглядом. – И надеюсь, вы задержитесь здесь надолго.

Я не отвечаю. Просто улыбаюсь и начинаю осматривать оборудование.

Рабочий день пролетает как одно мгновение. Я пеку пробные коржи, смешиваю кремы, украшаю тарталетки. Запах ванили и шоколада наполняет кухню.

К обеду Дмитрий Сергеевич приносит мне кофе.

– Как успехи? – спрашивает он, садясь за стол.

– Отлично. К вечеру можно будет дегустировать.

– Я с нетерпением жду.

Он говорит это так, будто ждёт не дегустации, а чего-то другого. Но я отгоняю эту мысль.

– Вы много работаете, – замечает он. – Вам бы отдохнуть.

– Я отдыхаю, когда работаю, – отвечаю я.

Он кивает, допивает кофе и уходит. Я остаюсь одна. Смотрю в окно на лес и чувствую, что сегодня всё действительно будет хорошо.

Вечером я возвращаюсь домой уставшая, но счастливая. В руках – коробка с десертами для бабушки. Мармелад встречает меня на крыльце и орёт, требуя еды.

– Сейчас, сейчас, – говорю я, гладя его. – Как ты тут без

меня?

Кот не отвечает. Он не умеет говорить. Но я вижу в его глазах что-то подозрительное.

– Ты опять к нему бегал? – спрашиваю я строго.

Мармелад отворачивается.

– Паршивец, – вздыхаю я.

За ужином бабушка Люба расспрашивает про работу. Я рассказываю, улыбаюсь, чувствую, как внутри расправляется что-то, что давно было сжато в комок.

– А Дмитрий Сергеевич? – спрашивает Люба. – Он не… ну…

– Что?

– Не домогается?

– Бабушка! – Я краснею. – Он – мой шеф.

– Я просто спросила. А Денис?

– А что Денис?

– Ничего. Просто он сегодня в нашу сторону несколько раз смотрел.

– Мне всё равно, – говорю я и утыкаюсь в тарелку.

– Врёшь, внучка, - смеётся бабушка.

Я не отвечаю.

Ночью лежу в кровати, смотрю в потолок и думаю. О работе. О новом начале. О Дмитрие Сергеевиче, который смотрит на меня так, будто я – десерт, который он хочет съесть. О Денисе, который смотрит на меня так, будто я – его самая большая проблема.

– Ты с ума сошла, – говорю я себе. – Ты только что фигово вышла из одних отношений.

Следующий день начинается с крика.

– Марина! – орёт бабушка с крыльца. – Кот опять сбежал!

Я вылетаю из дома, растрёпанная, в пижаме, с одним тапком на ноге.

– Куда?

– Туда! – бабушка Люба машет рукой в сторону зоопарка.

– Опять. За что мне всё это?

Я бегу через двор, перепрыгиваю через калитку, влетаю в зоопарк.

Денис стоит посреди зоопарка держит на руках Ладика. А этот паразит громко мурлычет и трётся о его ладонь.

– С добрым утром, – говорит он, не оборачиваясь.

– Мой кот опять здесь, – цежу я.

– Наш кот, – поправляет он.

– Что?

– Кролики его приняли. Он теперь свой. Наш

Я смотрю на Мармелада. Он смотрит на меня. И не думает возвращаться.

– Предатель, – говорю я коту.

– Идите завтракать, – говорит Денис. – Я его покормлю.

– У него свой рацион.

– Я знаю. Но кроличьим кормом он тоже не брезгует.

Я хочу возразить, но в этот момент замечаю на его щеке царапину.

– Что это? – спрашиваю я, указывая пальцем.

– Ничего.

– Это не ничего. Это царапина.

– Ваш Оладик, – он вздыхает. – выпустил когти, когда я его из клетки доставал.

– Простите.

– Не надо. Он защищал кроликов.

– От кого?

– От лис, которые снились ему во сне.

Я смеюсь, а Денис как-то подозрительно смотрит на меня. А потом разворачивается и уходит. Мармелад бежит за ним.

– Предатель, – повторяю я.

Но сердце предательски колотится.

Я возвращаюсь домой, переодеваюсь, завтракаю и еду на работу. Дмитрий Сергеевич ждёт на кухне.

– Сегодня у нас много заказов, – говорит он. – Вы готовы?

– Готова, – отвечаю я.

Я работаю как автомат. Пеку, украшаю, творю. К вечеру я устаю так, что не чувствую ног. Но я счастлива.

– Марина, – зовёт Дмитрий Сергеевич. – Пойдёмте, я отвезу вас домой.

– Не надо, – отказываюсь я. – Я на машине.

– Вы устали.

– Я в порядке.

Я сажусь за руль, выезжаю. Дорога домой кажется длиннее обычного. Уже темнеет. Я включаю фары.

И тут машина чихает. Раз. Два. И глохнет.

– Нет, – шепчу я. – Только не это.

Я пытаюсь завести снова. Тишина. Достаю телефон – связи нет.

– Чудесно.

Я выхожу из машины, осматриваюсь. Вокруг – поле, за ним лес, и ни души.

– Не паниковать, – говорю себе.

Но всё равно паникую. Я иду по дороге обратно к отелю. Темно, страшно, холодно. В лесу что-то шуршит. Я ускоряю шаг.

– Денис, – шепчу я. – Кроликовод чёртов. Почему тебя нет, когда ты нужен?

В темноте виден блеск фар. Я останавливаюсь, щурясь. Чёрный внедорожник. И почему-то мне хочется, чтобы это был сосед, а не шеф. Мой взгляд скользит по знакомому силуэту, по широким плечам и я облегчённо выдыхаю. Это Денис.

Он выходит из машины, смотрит на меня.

– Что случилось раз?

– Машина заглохла.

Он подходит к моей «Кие», открывает капот, смотрит.

– Аккумулятор сдох.

– Я знаю.

– Знала бы – не садилась бы за руль.

– Мне нужно было на работу.

– Теперь тебе нужно обратно.

Он достаёт из своего внедорожника трос, прицепляет к моей машине.

– Садись, – командует он.

– Куда?

– Домой. Я довезу.

Я забираюсь в его машину. Пассажирское сиденье пахнет им.

– Ты сегодня работала? – спрашивает он.

– Да.

– И как?

– Нормально.

– Этот… из отеля… он помогал?

– Дмитрий Сергеевич – мой шеф. Он и должен помогать.

– Он не помогает, а подкатывает к тебе. Я видел, когда приезжал!

– Он не подкатывает. Мы работаем!

– Я видел, как он на тебя смотрел.

– Тебе показалось.

– Не показалось.

– Денис, хватит.

– Не хватит. Ты не знаешь таких, как он.

– А ты знаешь?

– Знаю.

– Откуда?

– Я мужик. Я знаю, как мы смотрим, когда хотим что-то

получить.

– И что ты хочешь получить?

Он замолкает. Руль скрипит под его пальцами.

– Ответь, – говорю я.

– Ничего, – отвечает он глухо.

– Тогда не лезь.

– Я не лезу. Я предупреждаю.

– Не надо меня предупреждать. Я взрослая женщина. Сама разберусь.

– Как с тем, из Москвы?

– Не смей! – меня накрывает.

Я отворачиваюсь к окну. Слёзы подступают к глазам, но я не плачу. Не при нём.

– Марина, – говорит он тихо.

– Не разговаривай со мной.

– Марина…

– Я сказала.

Мы едем в тишине. Дорога петляет между полей. Луна светит ярко. Но внутри у меня темно.

У калитки меня ждёт Люба.

– Где ты была? – спрашивает она.

– Машина сломалась. Денис привёз.

– А ты что такая злая?

– Ничего.

Я захожу в дом. Мармелад сидит на подоконнике и смотрит на улицу.

– Спасибо, – бросаю я Денису, не оборачиваясь.

– Не за что, – слышу я в ответ.

– Ладик, – говорю я коту. – Ненавижу его.

Кот не верит. Я и сама себе не верю.

Через час в дверь настойчиво стучат. Я открываю и вижу на пороге Дениса.

– Чего тебе? – спрашиваю я устало. – Ночь на дворе.

– Своего Оладика не потеряла?

Я смотрю на пол, потом на окно. Мармелада нет.

– Он опять? И не называй моего кота Оладиком!

– А его разве не так зовут?

– Идём, - я медленно вдыхаю и выдыхаю.

Мармелад сидит в клетке с таким видом, будто он не на сене, а как минимум на царском троне сидит.

– Забирай, – говорит Денис, открывая дверцу.

Тянусь за котом, но он отползает в угол. На кис-кис тоже не реагирует. Но стоит Денису сделать шаг к клетке, как Мармелад подходит и трётся о его ладонь.

– Мармеладик, он даже имени твоего запомнить не может, – замечаю я. – А ты…

– Ему нравится здесь.

– Лучше бы ему в доме у бабушки нравилось.

– Там ты нервничаешь. А коты это чувствуют, как и кролики.

– Я не нервничаю.

– Нервничаешь. И он убегает.

– Что ты предлагаешь?

– Успокоиться.

– Как?

– Перестать думать о плохом. О прошлом. О том, что было.

– А о чём думать?

Он смотрит на меня. В темноте его глаза кажутся почти чёрными.

– О настоящем, – говорит он. – О том, что есть.

– И что есть?

Денис молчит, а потом протягивает мне кота и уходит.

– Ну и почему он не ответил? – спрашиваю я у Ладика, но тот загадочно молчит.

6

Люба сидела на крыльце, смотрела в сторону двора подруги и вздыхала. Внук подруги с час назад ушёл в сторону своего кроличьего зоопарка, а её Маришка с тестом возилась. Вот больше нечем ей заняться в свой выходной? Какие они всё-таки бараны упрямые – ни шагу навстречу! А ведь их тянет друг к другу магнитом.

– Тось, – позвала она подругу. – Иди сюда. Горевать будем.

Тося появилась из-за калитки через несколько минут. С чашкой чая в руках и в неизменном вязаном жилете.

– Чего стряслось? – спросила она, усаживаясь рядышком с подругой.

– Смотрю на них и плачу. – Люба махнула рукой куда-то в сторону. – Слепые они, а ещё и глухие, и упрямые.

– Это ты про кого?

– Про внуков наших. Про Марину и Дениса.

– Ох, Люба, - вздохнула Тося. – Ты правду говоришь. Они когда вместе из машины вышли, я думала, ну всё, сейчас обнимутся, поцелуются. А они взяли и поругались.

– А ты знаешь, – сказала Люба, поворачиваясь к подруге, – если б ты тогда в зоопарке не влезла, они б уже поцеловались.

– Когда это я влезала?

– А когда они в сено упали. Ты сама рассказывала: он её держал, она не вырывалась. И тут, здрасьте-пожалуйста, ба-

бушка Тося явилась!

– Я не специально, – оправдывалась Тося. – Я думала, там что-то серьёзное случилось. Маришка кричала же.

– Конечно, серьёзное! – Люба закатила глаза. – Ты бы постояла за дверью минуту-другую, глядишь, сейчас бы мы уже свадьбу планировали.

– А вдруг бы они не поцеловались?

– Поцеловались бы. Я тебе говорю – поцеловались бы. И уже вместе были бы. А теперь опять с нуля начинай.

– Ну извини, – вздохнула Тося. – Я больше не буду.

– Смотри у меня.

Бабушки помолчали, глядя, как Денис заходит дома. Злой, сосредоточенный и так и зыркает в сторону Любиного дома. Точнее, в сторону кухни, где Марина хозяйничала в коротких шортах и топике.

– А ты заметила, как он на этого, из отеля, косится? – снова заговорила Люба.

– Хозяина, что ли? Дмитрия Сергеевича?

– На него. Он когда вчера привёз Марину, а Денис аж побелел. Кулаки сжал, зубами заскрипел.

– Хочешь сказать, ревнует? – уверенно сказала Тося.

– Точно тебе говорю. Ревнует, а моя коза этого не видит. А может, просто не хочет видеть.

– Маришка вся в свою работу ушла. Думает, если не будет на мужчин смотреть, то и не обожжётся больше.

– А кто ж её тогда отогреет? На мужчин смотреть надо.Не

на всех. Только на твоего Дениску.

Бабушки замолчали.

– А ещё, – Тося понизила голос, – Маришка кота своего ревнует.

– К кому?

– К Денису. Кот к нему липнет. Как увидит, так сразу под ноги. Мурлычет, трётся, на ручки просится.

– Серьёзно?

– А ты не видела? Мармелад уже неделю спит в зоопарке, с кроликами в одной клетке. И домой идти не хочет.

– Это ж надо, – покачала головой Люба. – Кот раньше хозяйки понял кто им нужен. А знаешь, что самое интересное? Марина рассказывала, что Мармелад её бывшего жениха терпеть не мог. Как Сергей появлялся, кот прятался, шипел, царапался. А Дениса твоего сразу принял. В первый же день.

– Животные, они чувствуют, – задумчиво сказала Тося. – Хорошего человека чувствуют.

– Вот и я о том же. Кот уже выбрал, а Марина всё упирается.

– А Денис… – Тося вздохнула. –Вчера вечером сидел у клеток, кота гладил и спрашивал: «Чего она от меня хочет? Чего ей надо?» Я слышала.

– И что ты ему ответила?

– Так он же у кота спрашивал, не у меня. А я постояла тихонько и ушла. Пусть сам решает.

– Может, нам снова их наедине оставить? – предложила Люба. – На этот раз без твоего вмешательства.

– И каким образом?

– Погреб, – сказала Люба. – Старый, добрый погреб.

– А если не пойдут? – кивнула Тося и тут же вздохнула.

– Пойдут. – Люба потёрла ладони. – Я придумала.

– Что именно?

– Ты скажешь Денису, что нужны солёные огурцы. Срочно. Без них ужин не ужин.

– А Марина?

– А Марина сама в погреб побежит.

– Зачем?

– Кот. Мармелад. Он уже полчаса вокруг погреба крутится. Мяучит, царапается. Скоро внутрь полезет. А Марина за ним аж помчится, - Люба хитро прищурилась.

– И мы закроем их?

– Нет, замок сам защёлкнется. – Люба подмигнула.

– Опасная ты женщина, Люба.

– Я любящая бабушка, – поправила та. – По местам.

Тося вошла в дом, поставила чайник, подождала минуту. Потом выглянула во двор. Денис колдовал над кроличьей едой.

– Денис, – позвала она. – Сходи в погреб, возьми солёных огурцов для рассольника.

– У нас есть огурцы в холодильнике.

– Те не такие. А мне нужны из погреба, которые в кадуш-

ке. Сделай доброе дело для бабушки.

– Ладно, - вздохнул Денис и отложил готовую порцию корма.

Он быстрыми шагами пошёл к погребу. Тося выдохнула. Теперь главное, чтобы Люба успела.

– Мариночка, – позвала Люба. – Ты не видела Мармелада? Он куда-то пропал.

Марина оторвалась от теста.

– Как пропал? Он же здесь был, - Марина как раз поставила последнюю партию пирожков в духовку.

– И нету.

– Мармелад! – Марина выбежала на крыльцо.

Из-за угла погреба донёсся тонкий требовательный мяук.

– Он туда побежал! – сказала Люба. – В погреб. Спускайся скорее, а то ещё забьётся куда. Ищи его потом.

Марина бросилась к погребу. Люба очень медленно шла следом. Она увидела, как внучка начала спускаться по ступенькам. Как следом за ней зашёл Денис. Стоило этим двоим скрыться, как дверь закрылась с характерным скрипом, и задвижка упала. Сама упала, конечно же.

– Всё, – сказала она Тосе, которая выглядывала из-за угла. – Пусть сидят там и разговариваются, и целуются.

– А если они раньше вылезут?

– Не вылезут. Через два часа откроем их.

Как же всё-таки хорошо, что у них один огромный погреб на двоих. Они сели на лавочку и прислушались. Из погреба

не доносилось ни звука.

– Молчат, – сказала Тося.

– Лучше бы ссорились, – расстроилась Люба. – Быстрее бы помирились.

– Думаешь, помирятся?

– А куда они денутся.

– Кот, кстати, тоже там? – спохватилась Тося.

– А чё ему там делать? Вон он сидит, на нас смотрит. – Люба кивнула в сторону. Мармелад сидел у калитки и внимательно наблюдал за бабушками. – Умная тварь. Понимает, что сейчас не его время.

Из погреба послышались голоса. Сначала тихие, потом громче.

– Слышишь? – сказала Тося. – Спорят.

– Поспорят – потом помирятся, – Люба улыбнулась. – Сиди и не дёргайся.

Тося вздохнула и послушно сложила руки на коленях.

7

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.